

Наступил знойный пик лета. Жара с каждым днём набирала силу. Виноградные лозы в доме Лу Цинцзю отяжелели от гроздьев – тёмно-фиолетовых, почти чёрных, сочных. Особенно радовали глаз те, что свисали низко, готовые вот-вот упасть от собственной сладости. Сперва Лу Цинцзю тревожился, что спелые ягоды приманят птиц, но тревога оказалась напрасной. В его доме не водились ни комары, ни наглые пернатые воришки. Каждая виноградина зрела в неприкосновенности.

Часть урожая Лу Цинцзю собрал: из одной половины решил сделать вино, другую убрал в морозилку. Замороженный виноград в летний зной – наслаждение, куда приятнее магазинного мороженого.

Инь Сюнь жаркое солнце не жаловал. К счастью, большая часть двора укрывалась виноградным пологом – солнечные лучи, пробиваясь сквозь густую листву, рисовали на земле лишь редкие, игривые блики.

Тело лисёнка было покрыто густым мехом, но он оказался смышлёным. В жару он прижимался к животу Сяо Хуа. Лу Цинцзю впервые заметил это, увидев, как малыш устроился, положив подбородок на обнажённый розовый животик Сяо Хэй, лежавшей на боку. Поселившись здесь, лисёнок неожиданно быстро подружился с местными обитателями. Лу Цинцзю не удержался от улыбки: «Тебе не жарко?»

Сяо Хэй лениво ответила: «У меня живот прохладный».

Ему показалось, что пушистый лисёнок был создан для того, чтобы его любили – такой он был безмятежный и дружелюбный.

Лу Цинцзю подошёл и прикоснулся к животу Сяо Хэй. Тот действительно был прохладным, освежающе-мягким, словно шёлковый мешок, наполненный ледяной водой. Неудивительно, что лисёнку тут так хорошо.

Сам Лу Цинцзю жару переносил легко – тело его всегда было прохладным, зато зимы давались тяжело. Инь Сюнь же был его полной противоположностью. Будь его воля, он бы сутками не вылезал из кондиционированной комнаты. Но сидеть подолгу под холодным воздухом вредно, поэтому парень, стиснув зубы, устроился во дворе, прижимая к себе младшую сестру Сяо Хуа – Сяо Хэй. Её «пороссячий» животик стал его спасением от зноя.

Сяо Хуа действия Инь Сюня явно не одобрял. По его словам, младшая сестра – юная, невинная данкан. А Инь Сюнь, развратник, ежедневно трогает живот незамужней юной данкан! Пусть отвечает!

Но Инь Сюнь не знал их истинной сущности, и Сяо Хуа не смел жаловаться напрямую. Он сидел в стороне, пыхтел и кидал на обидчика угрюмые взгляды. Тот же, совершенно не обращая внимания на страдания Сяо Хуа, продолжал тискать Сяо Хэй. В конце концов, старшему брату не оставалось ничего, кроме как униженно подставить и свой собственный прохладный живот в качестве замены.

Инь Сюнь, этот невезучий, всё понял превратно. Увидев, как поросёнок выгибается в его объятиях, его «осенило»: «А! Так вот ты из-за чего дулся... Ревновал! Хотел, чтобы и тебя обняли. Что ж, так бы сразу и сказал!»

Сяо Хуа: «???»

Наблюдавший со стороны Лу Цинцзю тихо рассмеялся.

Так и закончилась их вражда. И самое обидное – Инь Сюнь так и не понял сути, свято уверовав, что Сяо Хуа мучился от зависти к его тёплым отношениям с Сяо Хэй.

«Эх, тяжела жизнь популярного человека», — вздохнул он как-то Лу Цинцзю.

Тот про себя подумал: «Погоди, обижай малышей. Когда он вырастет в огромного вепря, тебе хватит одного взмаха его клыков».

Июльское солнце палило безжалостно, отбивая всякую охоту к движению. Однако аппетит Инь Сюня и Бай Юэху ничуть не пострадал. Лишь у Лу Цинцзю в последние дни пропало всякое желание есть. Что бы он ни приготовил, к еде почти не прикасался.

«Цзю-эр, а ты почему ничего не ешь?» — поинтересовался Инь Сюнь.

На ужин был суп из свиных рёбрышек с восковой тыквой, холодный салат, тушёные куриные лапки с таро и обжаренный водяной шпинат. Всё вышло на славу – особенно ножки, тающие во рту, и таро, мягкое, сладкое, ароматное. Но Лу Цинцзю лишь отпил миску каши, поковырял соленья и отложил палочки.

«Не хочется, — сказал он. — Ешьте, не обращайтесь на меня внимания».

«Надо бы ещё немного, — настаивал Инь Сюнь. — Ты и в обед почти ничего не взял».

«Я больше не могу, — вздохнул Лу Цинцзю. — Выпью ещё немного супа». Произнеся это, он сделал лишь несколько глотков, а после просто притворился, держа в руках почти полную тарелку.

Палочки Бай Юэху, собиравшего овощи, на мгновение замерли. Он взглянул на Лу Цинцзю, но ничего не сказал. Тот же втайне облегчённо вздохнул: он и правда не хотел есть, но боялся ворчания Инь Сюня и Бай Юэху.

Инь Сюнь по-прежнему беспокоился о Лу Цинцзю. Закончив с едой, он на время вышел и

вернулся с маленькой глиняной банкой. «Цзю-эр, я одолжил у соседки маринованного боярышника. Его нужно настаивать в воде и пить».

«Хорошо».

Боярышник возбуждал аппетит и укреплял селезёнку. Лу Цинцзю он очень нравился. Если представится возможность, он непременно посадит у себя несколько кустов.

«Тебе нужно есть как следует, — наставлял его Инь Сюнь. — Если не можешь то, что приготовил, — съешь что-нибудь другое. Голодать нельзя».

Лу Цинцзю лишь улыбался и кивал под его заботливую болтовню. Было невероятно приятно ощущать такую опеку, особенно после долгих лет одинокой жизни.

После ухода Инь Сюня Бай Юэху попросил Лу Цинцзю запереть лисёнка в доме — он хотел отвести его кое-куда.

«Куда?» — спросил Лу Цинцзю.

«Найти еду, — просто сказал Бай Юэху. — У тебя нет аппетита».

«Какую еду? — Лу Цинцзю, зная особенную природу Бай Юэху, удивился. — И где мы будем её искать?»

«Тебе понравилась та рыба, что мы ели в прошлый раз?» — спросил Бай Юэху.

«Какая именно? Ты о вэньяо?»

«Угу».

«Понравилась», — кивнул Лу Цинцзю. Вэньяо была самой вкусной рыбой из всех, что он пробовал. Существо из «Книги гор и морей» — конечно, она не могла сравниться с обычной речной рыбой.

«Тогда пойдём ловить», — неожиданно предложил Бай Юэху.

«Ловить? Куда? Разве здесь поблизости есть реки?»

Возле деревни протекал лишь небольшой ручей. Вода в нём была чистой, но он был слишком мелок — водились только мальки, которых и на зуб не положишь.

«Просто иди за мной», — Бай Юэху поднялся.

Палящее солнце уже село, на горизонте оставалась лишь алая полоса заката. Небо, окрашенное в огненные тона, будто пылало великолепным, завораживающим пламенем.

Бай Юэху повёл Лу Цинцзю вверх по горной тропе.

Хотя солнце скрылось, небо все еще было светлым. Лу Цинцзю смутно различал в небе бледный серп луны. Тропинка была узкой, и он, боясь оступиться, шёл, опустив голову и внимательно глядя под ноги. Но идущий впереди Бай Юэху вдруг обернулся и протянул ему руку.

Лу Цинцзю удивлённо взглянул на него. Бай Юэху жестом подозвал его взять свою руку. Подумав мгновение, Лу Цинцзю безмолвно вложил свою ладонь в его холодную, приятную на ощупь кисть. Они продолжили путь, держась за руки, — спокойно, без тени неловкости.

Бай Юэху шёл впереди, Лу Цинцзю — следом.

Чем дальше они углублялись, тем гуще становился лес, а пейзаж — всё более непривычным. Появились вещи, которых в обычном лесу быть не должно. Лу Цинцзю заметил у края тропы высокую каменную стелу, на которой алыми иероглифами было высечено: «Деревня Шуйфу». Казалось бы, простой указатель, но аура, исходившая от камня, ясно давала понять — они вступили в иное место.

Небо почти не изменилось — всё тот же ослепительный, пламенеющий цвет. Лу Цинцзю поднял голову и увидел нечто, мелькающее в облаках над ними. Он хотел было остановиться, чтобы рассмотреть, но Бай Юэху мягко потянул его за руку, не замедляя шага.

«С вершины вид лучше, — сказал он. — Идём быстрее».

Лу Цинцзю не сдержал улыбки, от которой чуть прищурились глаза. Тропа была неровной, но усталости он не чувствовал. Рука Бай Юэху в его руке превращала пугающе незнакомый мир в нечто умиротворяющее. Вскоре деревья стали редеть, и перед ними открылась широкая площадка, будто вырубленная в склоне горы. Пол был выложен зелёным камнем, испускавшим призрачное, тусклое сияние.

«Это место...» — неуверенно начал Лу Цинцзю.

«Деревня Шуйфу, — ответил Бай Юэху. Он отошёл к краю тропы, сорвал несколько стеблей странной травы с огненно-красными соцветиями на концах и протянул Лу Цинцзю. — Давай порыбачим».

Лу Цинцзю принял траву. «Этим?»

Стебли были жёсткими, но, если провести по ним рукой, становились мягкими и гибкими, как верёвки.

«Угу. Иди сюда». Бай Юэху подошёл к самому краю площадки и знаком подозвал его. Обернувшись, спросил: «Высоты не боишься?»

«Я?.. Нет».

«Тогда подойди ближе».

Лу Цинцзю подошёл и заглянул вниз. Теперь он понял, зачем был задан тот вопрос. Прямо под площадкой простиралось бескрайнее Море Облаков. Лучи заката окрашивали его в кроваво-алый цвет, а в его пучине плавали и выпрыгивали крылатые существа. Зрение у Лу Цинцзю было отменным – с первого взгляда он узнал в них ту самую рыбу, вэньяо, что Бай Юэху приносил в прошлый раз.

У вэньяо за спиной красовалась пара белоснежных птичьих крыльев. Тогда, чтобы не напугать Лу Цинцзю, Бай Юэху заранее обрезал их – вот откуда на спине рыбы остались те две большие раны.

«Смотри». Бай Юэху присел на край, забросил травяную верёвку в облачное море, придерживая другой конец. Лу Цинцзю повторил его движения.

Вид и вправду был завораживающим. Взгляд, поднятый вверх, терялся в бескрайности неба. Слои облаков колыхались и переливались, словно океан, ласково гонимый лёгким ветром. Среди стай вэньяо мелькали и другие существа, столь причудливые, что даже после долгого разглядывания Лу Цинцзю не мог понять, что они собой представляют.

Сидящий рядом Бай Юэху казался частью этого пейзажа. Мягкий свет заката лежал на его щеках, длинные ресницы отбрасывали лёгкую тень на полуприкрытые глаза. Тёмный взгляд был устремлён в пропасть, покрытую Морем Облаков. Лу Цинцзю, наблюдая за ним, начал уже дремать, как вдруг почувствовал, как верёвка в его руке дёрнулась. «Клюёт!»

«Вытаскивай», — тихо напомнил Бай Юэху.

«Как?»

«Просто тяни на себя».

Лу Цинцзю начал поспешно тянуть верёвку. На конце болтался вэньяо, его крылья трепетали. Лу Цинцзю взял рыбу и растерянно спросил: «А во что её положить?»

Бай Юэху будто из воздуха извлёк холщовый мешок. «Сюда».

Лу Цинцзю опустил улов внутрь.

«А из этой рыбы можно сделать сашими? — Повар, едва поймав добычу, уже размышлял о её приготовлении. — Она ведь с рождения живёт в облаках?»

«Да», — кивнул Бай Юэху.

«А паразиты в мире духов водятся?»

«Нет. Мы часто едим сырое мясо, и я никогда не слышал о таком».

«Отлично», — подумал про себя Лу Цинцзю. Принесёт свежего вэньяо и приготовит сашими. И ещё интересно: а крылья съедобны? Если да, то можно сделать из них что-то вроде острых крылышек - детям понравится.

Вэньяо и вправду была прекрасна: мясо нежное, без костей. Лу Цинцзю довольно улыбнулся.

Рыба клевала одна за другой, и скоро мешок наполнился. Лу Цинцзю с любопытством спросил: «А что там, под этим Морем Облаков?»

«Хочешь посмотреть?» — переспросил Бай Юэху.

«А разве можно? — Лу Цинцзю рассмеялся. — Ты же лис. Разве ты умеешь летать?»

«Умею. Но сейчас полнолуние, и Море Облаков беспокойно. Когда луна убывает, я смогу взять тебя туда, показать всё вокруг». Он говорил совершенно серьёзно, без тени шутки.

«Хорошо, — согласился Лу Цинцзю. — Если представится возможность - обязательно сходим».

Бай Юэху кивнул. «Пора возвращаться. Скоро начнётся дождь».

Лу Цинцзю взглянул на небо - ясное, без единой тучи. Но если Бай Юэху говорит, что будет дождь, значит, будет.

Бай Юэху в одной руке нёс мешок с рыбой, другой держал Лу Цинцзю. Они спускались обратно по той же тропе. Когда они проходили мимо стелы «Деревня Шуйфу», на Лу Цинцзю упала тень. Сначала он подумал, что это облако, но, подняв голову, увидел в небе огромного чёрного зверя.

С первого взгляда тот напоминал безрогую корову. Шкура была угольно-чёрной, а вместо копыт – всего одна нога, на которой он скакал по небу. Заметив идущих внизу по тропе, чудовище издало оглушительный рёв, от которого у Лу Цинцзю заложило уши.

Бай Юэху, слегка раздражённый, поднял голову и бросил: «Закрой пасть».

Чудовищная корова... замолчала. Тут же.

«Бесит, — проворчал Бай Юэху. — Очень громкий».

Лу Цинцзю тихонько рассмеялся.

Чудовище умчалось к вершине, а они продолжили путь. Едва они переступили порог дома, как снаружи хлынул ливень, будто поджидавший их у самых пяток. Сквозь шум дождя Лу Цинцзю почудился ещё один раскатистый рёв, но, прислушавшись, он понял, что ошибся.

Бай Юэху отнёс рыбу на кухню, достал лёд из холодильника и принялся готовить для Лу Цинцзю сашими. Его мастерство владения ножом по-прежнему было безупречным: ломтики получались тонкими, как крылья цикады, почти прозрачными на ледяной поверхности.

Лу Цинцзю сидел дома, наблюдая, как за окном хлещет ливень. Этот дождь смыл утомительный зной последних дней, и воздух стал наполняться влажной, живительной свежестью пахнувшей земли.

Из кухни вышел Бай Юэху и без слов поставил перед Лу Цинцзю блюдо с сашими.

Лу Цинцзю улыбнулся: «Спасибо вам за твою тяжелую работу».

Бай Юэху лишь покачал головой: «Ешь».

Лу Цинцзю взял палочки и поднес к губам тонкий ломтик. Лишь попробовав, он удивленно приподнял брови. Рыба была изумительна – без малейшего рыбного запаха, нежная, упругая, лишённая приторной жирности лосося и отдававшая едва уловимой кислинкой. Лу Цинцзю никогда не был ценителем сашими, но эта рыба оказалась слишком хороша, и он взял еще.

«Ты не будешь?» — почти опустошив тарелку, Лу Цинцзю заметил, что палочки Бай Юэху остались нетронутыми.

«Нет, — ответил тот, — пресытился».

Лу Цинцзю рассмеялся: «Пресытился? Да сколько же лет ты их ешь?»

Бай Юэху подпер подбородок ладонью, его взгляд утонул в серебряной пелене дождя за окном. «Много-много лет», — произнес он тихо.

Деликатес, о котором другие могут лишь мечтать всю жизнь, для Бай Юэху превратился в объект неприязни. Любое, самое изысканное блюдо способно приесться, если есть его изо дня в день.

Сашими утолили голод - Лу Цинцзю съел добрую половину рыбы, прежде чем почувствовал сытость. С начала лета это была самая вкусная трапеза.

«Спасибо, Юэху», — с искренней улыбкой сказал Лу Цинцзю.

Бай Юэху пристально посмотрел на него и медленно выговорил: «Нет. Это я должен благодарить тебя».

Смысл этих слов ускользнул от Лу Цинцзю, но Бай Юэху не стал ничего пояснять, просто встал и вышел. Лу Цинцзю проводил его взглядом, погрузившись в короткое, задумчивое молчание.

Летний ливень всегда дарит ощущение уюта. Он яростен и стремителен, смывая обжигающий зной и оставляя после себя чистоту.

Насытившись, Лу Цинцзю вернулся в спальню. Перед сном он пролистал заказанную в сети «Книгу гор и морей» и быстро нашел описание огромного зверя, мелькнувшего в вечерних небесах. Его звали Куй, и обликом он напоминал быка без рогов. Легенды гласили, что при каждом его выходе в море вспыхивали небесные огни и поднимались великие бури. Желтый Император* некогда повелел сделать из его кожи барабан, чей гул был слышен за пятьсот ли.

[Хуанди, или Желтый Император - верховное божество в китайской мифологии.]

Легенда занимательная. Перелистывая страницы, Лу Цинцзю почувствовал, как его одолевает дремота. Он повалился на подушку и погрузился в мир снов - глубоких, безмятежных, без единого тревожного видения, и проспал так до самого рассвета.

На следующий день Лу Цинцзю превратил остатки вэньяо в рыбу с маринованными овощами, а из крыльев приготовил хрустящие крылышки. Инь Сюнь не стал допытываться об их происхождении, но, расправившись с едой, расхвалил нежность мяса и его свежий вкус. Лу Цинцзю лишь улыбался, глядя, как друг уплетает львиную долю угощения.

После еды Лу Цинцзю дал наставления по ведению хозяйства в его отсутствие, уделив особое

внимание ежедневному питанию. Он собирался уехать на несколько дней, поэтому заранее приготовил целую сковороду жареного хрустящего мяса – нарезанное ломтиками, обваленное в яйце и муке и обжаренное до золотистой корочки. Невероятно вкусное блюдо, которое можно было добавить в суп. Он велел Инь Сюню на ужин сварить суп с этим мясом, на следующий день разогреть тушеную говядину из холодильника, а послезавтра...

«А есть ли этот «послезавтра»?» — Инь Сюнь уставился на Лу Цинцзю широко раскрытыми, полными мольбы глазами, стараясь изобразить беспредельное несчастье.

«Я планирую вернуться через два дня. Но если что-то пойдет не так и я задержусь еще на день, я должен позволить вам умереть с голоду?»

Инь Сюнь: «...Мы не умрем. Я же могу готовить».

«Они, может, и не умрут с голоду, но отравиться его стряпней – запросто», — подумал про себя Лу Цинцзю.

Отдав распоряжения, он вручил маленького лисенка Инь Сюню, наказав тому хорошо о нем заботиться. Инь Сюнь прижал малыша к груди и торжественно заверил, что не позволит лисенку потерять ни волоска.

Лисенок сидел рядом, наблюдая за ними и наострив уши. Услышав слова Инь Сюня, он вдруг чихнул, и облачко пуха разлетелось вокруг – обычное дело для любого пушистого создания летом. Нос Инь Сюня задрожал, он тоже чихнул, выплюнул прядь шерсти и со страдальческим видом произнес: «Ладно, забудь. Я ничего не говорил».

Не зная, смеяться или плакать, Лу Цинцзю дружески хлопнул его по голове.

Послушавшись совета Бай Юэху, в эту поездку Лу Цинцзю взял пикап. Накануне тот преобразился в ультрамодный суперкар, но Лу Цинцзю, не желавший лишнего внимания, велел ему принять облик обычной городской машины.

«С номерными знаками все в порядке?» — Лу Цинцзю немного беспокоился.

«Все в порядке, — лениво отозвался Бай Юэху. — Все улажено».

Лу Цинцзю: «Тогда хорошо».

Главное, чтобы никто не догадался, что у машины нет регистрации, иначе его остановят, не доехав до города. Если такое случится, он и понятия не имеет, как будет объясняться...

«Тогда я отправляюсь». — Закинув чемодан в багажник, Лу Цинцзю сел за руль и помахал на прощание Бай Юэху и Инь Сюню.

«Поезжай аккуратно и возвращайся скорее!» — Инь Сюнь преувеличенно энергично замахал в ответ.

Бай Юэху же молча стоял на месте, не прощаясь и не махая рукой, словно Лу Цинцзю просто съездит в город и вернется через пару часов.

Лу Цинцзю завел двигатель, и вскоре машина скрылась за поворотом горной дороги.

Деревня Шуйфу находилась в глуши. На поезде путь занял бы больше десяти часов, а по шоссе было быстрее — машин мало, объезжать города не нужно. Но и десятичасовой марафон за рулем утомителен, особенно в одиночестве, когда не с кем перекинуться словом.

С пикапом, однако, об этом можно было не беспокоиться. Стоило Лу Цинцзю устать, как он мог позволить машине вести себя самой. Лишь бы руки не отрывались от руля — и никакого нарушения.

Лу Цинцзю позвонил Чжу Мяомяо, предупредил, что прибудет к вечеру, и продолжил путь.

Вернувшись через несколько месяцев в знакомый город, он ощутил легкое волнение. Но решение было принято, и сожалеть о нем он не собирался.

Автору есть что сказать:

Бай Юэху: «Веду тебя за собой, держа за руку~»

Лу Цинцзю: «Как... как собаку на поводке?»

Бай Юэху: «...»

Переводчику есть что сказать:

Лето, как же я по тебе скучаю! (□□□)

Но хватит тоски! Видите, дорогие читатели? Они держатся за руки, вай-вай, наконец-то хоть какой-то прогресс. Да и наша деревенька потихоньку приоткрывает свои тайны... Тонкая грань с миром сверхъестественного чувствуется? \(\omega\)/

Не смей засыпать, уставившись на Юэху! Бесстыдник.

Хочу такую же машинку - сама едет, форму меняет, экономична и сама моется. Не машина, а мечта!

<http://bllate.org/book/15722/1506617>